

Оригинальная статья / Original article

УДК 316.344

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-2-198-211>**Ценностные основания социальной консолидации
городских сообществ****В. П. Бабинцев¹, Я. И. Серкина¹✉, А. Э. Ушамирский², П. К. Великих¹**

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, д. 85, г. Белгород 308015, Российская Федерация

² Волжский институт экономики, педагогики и права
ул. Советская, д. 6, г. Волжский 404111, Российская Федерация

✉ e-mail: serkina_ya@bsu.edu.ru

Резюме

Актуальность работы определяется востребованностью консолидации локальных сообществ, которая в нестабильной общественной среде выступает одной из форм социальной конъюнкции и создает предпосылки для их успешного воспроизводства, повышения конкурентоспособности и обеспечения безопасности. Важность анализа проблемы ценностных оснований консолидации связана также с недостаточной изученностью факторов консолидации городских сообществ, в том числе регулирующей роли в развитии консолидационных процессов в урбанизированной среде ценностей и смыслов, необходимостью преодоления иллюзий и заблуждений относительно их влияния.

Цель статьи состоит в определении ценностных оснований консолидации городских сообществ, установлении логических связей и взаимозависимостей между ними.

Задачи: концептуализация феномена социальной консолидации в современном нестабильном обществе; анализ ценностных оснований социальной консолидации; систематизация ценностных оснований социальной консолидации городских сообществ; содержательная характеристика основных ценностных паттернов, на которых может базироваться консолидация городских жителей.

Методология. Исследование опирается на коммуникативную теорию солидарности (Ю. Хабермас), концепцию социальной конъюнкции и социальной дизъюнкции (О. А. Кармадонов).

Эмпирической базой работы послужили результаты исследования «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды», осуществленного в 2022 г. методами массового анкетного опроса (n=1518, выборка квотная) городских жителей (Курская, Белгородская, Воронежская области); экспертного опроса (50 экспертов); фокус-группового интервьюирования городских жителей (6 групп). Использована вторичная обработка данных «Комплексного мониторинга «Консолидационный потенциал Белгородской области», осуществленного методом анкетного опроса населения Белгородской области в 2022 г. научно-исследовательской лабораторией развития гражданского общества Белгородского государственного национального исследовательского университета (n = 6800, выборка квотная).

Результаты. В качестве оснований консолидации выступают ценностные паттерны, каждый из которых может интерпретироваться как комплекс устойчивых, семантически единых представлений, сложившихся на основе специфической конфигурации ценностей; применительно к городским сообществам можно констатировать особое значение для перспектив консолидации паттернов идентичности, справедливости, доверия и ответственности; рассмотренные паттерны потенциально связаны между собой; при этом наиболее значительным интегратором выступает паттерн справедливости; однако все эти паттерны пока недостаточно сформированы в массовом сознании.

Выводы. Задача инициации и регулирования процесса консолидации в урбанизированной среде в рассматриваемом контексте предстает как задача утверждения в общественном сознании установок на локальную идентификацию горожан; повышения уровня доверия в пределах дальней социальной дистанции; формирования идеологемы ответственности за организацию городской жизни, но главное – последовательной реализации принципа социальной справедливости.

Ключевые слова: ценности; консолидация; городские сообщества; паттерны; справедливость; идентичность.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках реализации проекта Программы «Приоритет – 2030» № 20180132 «Создание экспертного центра по проблемам воспроизводства территориальных систем».

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Ценностные основания социальной консолидации городских сообществ / В. П. Бабинцев, Я. И. Серкина, А. Э. Ушамирский, П. К. Великих // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14, № 2. С. 198–211. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-2-198-211>.

Поступила в редакцию 08.02.2024

Принята к публикации 05.03.2024

Опубликована 27.04.2024

Value Bases of Social Consolidation of Urban Communities

Valentin P. Babintsev¹, Yana I. Serkina^{1✉}, Alexey E. Ushamirsky²,
Pavel K. Velikh¹

¹ Belgorod State University
85 Pobedy Str., Belgorod 308015, Russian Federation

² Volga Institute of Economics, Pedagogy and Law
6 Sovetskaya Str., Volzhsky 404111, Russian Federation

✉ e-mail: serkina_ya@bsu.edu.ru

Abstract

The relevance of the work is determined by the demand for consolidation of local communities, which in an unstable social environment acts as one of the forms of social conjunctionality and creates prerequisites for their successful reproduction, increasing competitiveness and ensuring security. The importance of analyzing the problem of the value bases of consolidation is also connected with the insufficient study of the factors of consolidation of urban communities, including the regulatory role in the development of consolidation processes in an urbanized environment of values and meanings, the need to overcome illusions and misconceptions about their influence.

The purpose of the article is to determine the value bases for the consolidation of urban communities, to establish logical connections and interdependencies between them.

Objectives: conceptualization of the phenomenon of social consolidation in a modern unstable society; analysis of the value bases of social consolidation; systematization of the value bases of social consolidation of urban communities; a meaningful description of the main value patterns on which the consolidation of urban residents can be based.

Methodology. The research is based on the communicative theory of solidarity (Yu. Habermas); the concept of social conjunction and social disjunction (O. A. Karmadonov).

The empirical basis of the work was the results of the study "Social consolidation of urban communities: opportunities and limitations in the conditions of digitalization of the urban environment", carried out in 2022 by methods of mass questionnaire survey (n=1518, quota sample) of urban residents (Kursk, Belgorod, Voronezh regions); expert survey (50 experts); focus group interviewing urban residents (6 groups). The secondary processing of the data of the "Integrated Monitoring "Consolidation Potential of the Belgorod region", carried out by the method of a questionnaire survey of the population of the Belgorod region in 2022 by the research laboratory for the development of civil society of the Belgorod State National Research University (n = 6800, quota sample), was used.

Results. The bases of consolidation are value patterns, each of which can be interpreted as a complex of stable, semantically unified representations formed on the basis of a specific configuration of values; in relation to urban communities, it can be stated that the patterns of identity, justice, trust and responsibility are of particular importance for the prospects of consolidation; the considered patterns are potentially interconnected; at the same time, the most significant integrator The pattern of justice stands out; However, all these patterns have not yet been sufficiently formed in the mass consciousness.

Conclusions. *The task of initiating and regulating the consolidation process in an urbanized environment in the context under consideration appears as the task of establishing in the public consciousness attitudes to the local identification of citizens; increasing the level of trust within a long social distance; forming an ideologeme of responsibility for the organization of urban life, but most importantly – consistent implementation of the principle of social justice.*

Keywords: *values; consolidation; urban communities; patterns; justice; identity.*

Funding: *The article was prepared as part of the implementation of the Priority 2030 Program project No. 20180132 "Creation of an expert center on the problems of reproduction of territorial systems".*

Conflict of interest: *In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Babintsev V. P., Serkina Ya. I., Ushamirsky A. E., Velikikh P. K. Value Bases of Social Consolidation of Urban Communities. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2024; 14(2): 198–211. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-2-198-211>.

Received 08.02.2024

Accepted 05.03.2024

Published 27.04.2024

***

Введение

Проблема социальной консолидации в последние годы активно обсуждается в научной литературе применительно и к России в целом, и к локальным (региональным, местным) сообществам. Так, социальным аспектам процесса консолидации посвящены труды Н. Д. Вавилиной [1], Е. М. Харитоновой [2]; региональная специфика консолидации представлена в работах В. К. Левашова [3], В. А. Чигрина, В. В. Узунова [4]. В работах В. О. Вольтер [5], М. Д. Черкашина [6], Н. Е. Тихоновой [7], В. В. Локосова [8] особое внимание уделяется факторам социальной консолидации; Е. В. Бродовская [9], П. С. Селезнев, В. Ш. Сургуладзе [10] исследуют цифровые угрозы для процесса консолидации территориальных сообществ.

При этом ряд исследователей приходят к заключению о том, что необходимым условием социальной консолидации является ценностный консенсус. Так, подчеркивая его значимость, В. Н. Кузнецов заключает: «Ценностный консенсус – важный фактор функционирования и поддержания стабильности общества на основе согласия, базирующегося на сходимости взглядов или ориентаций относительно значимых ценностей, целей, норм, правил поведения, ролей, отношений

власти и т. д. между субъектами социальных отношений» [11, с. 37]. Эта идея разделяет достижение согласия в отношении приоритетных ценностей, является основой консолидации, когда утверждает, что «основу социальной консолидации составляет устойчивая артикулированная совокупность понятийных и принятых людьми личных, общественных, государственных и цивилизационных целей, идеалов, ценностей, интересов, которые действуют каждому человеку в выстраивании взаимоотношений с другими людьми, группами и социальными институтами» [12, с. 256]. А И. Н. Трофимова, обосновывая необходимость ценностного единства, обращает внимание на связанные с его отсутствием издержки для перспектив социальной интеграции: «Неопределённость и противоречивость ценностных ориентаций различных групп и слоёв, отсутствие устойчивых институтов, призванных воплощать общегражданские ценности в жизнь, обуславливают формирование конфликтной среды» [13, с. 61].

Безусловно, трудно отрицать саму мысль о значимости для социальной консолидации ценностного единства. Однако представляется, что при всей кажущейся очевидности она порождает довольно много вопросов, без ответа на которые не

только трудно сделать адекватные теоретические выводы относительно сущностных характеристик консолидации, но и осуществить эффективные решения по регулированию данного процесса. По меньшей мере в этом убеждает нас опыт, накопленный в ходе участия в разработке и реализации Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011 – 2025 годы» в Белгородской области¹. В ходе ее осуществления сформировались и были апробированы некоторые практики консолидации [14], реализация которой была довольно бесславно (без обсуждения и критического анализа) завершена на три года раньше заявленного рубежа постановлением Правительства Белгородской области от 06.06.2022 г. № 340-пп «О признании утратившим силу постановления правительства Белгородской области «Об утверждении стратегии “Формирование регионального солидарного общества” на 2011–2025 годы» от 24 ноября 2011 года № 435-пп»². Одной из причин резкого свертывания ее выполнения и стала недостаточное научное обоснование сущности ценностного консенсуса и методов его формирования в регионе. Дефицит научных разработок в этом направлении не смогло компенсировать даже то, что проведение специальной военной операции на Украине, несомненно, стимулировало консолидационный процесс в данном приграничном субъекте РФ.

Материалы и методы

Исследование опирается на коммуникативную теорию солидарности

¹ Стратегия «Формирование регионального солидарного общества» на 2011–2025 годы. Белгород, 2011. 80 с.

² О признании утратившим силу постановления правительства Белгородской области от 24 ноября 2011 года № 435-пп: постановление правительства Белгородской области от 06.06.2022 г. № 340-пп. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3100202206080001> (дата обращения: 10.01.2024).

(Ю. Хабермас); концепцию социальной конъюнкции и социальной дизъюнкции (О. А. Кармадонов).

Эмпирической базой работы послужили результаты исследования «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды», осуществленного в 2022 г. методами массового анкетного опроса (n=1518, выборка квотная) городских жителей (Курская, Белгородская, Воронежская области); экспертного опроса (50 экспертов); фокус-группового интервьюирования городских жителей (6 групп). Использована вторичная обработка данных комплексного мониторинга «Консолидационный потенциал Белгородской области», осуществленного методом анкетного опроса населения Белгородской области в 2022 г. научно-исследовательской лабораторией развития гражданского общества Белгородского государственного национального исследовательского университета (n = 6800, выборка квотная).

Результаты и их обсуждение

Рассматривая ценностный консенсус как важнейшую предпосылку консолидации, очевидно, следует понять суть этого явления, которое, на наш взгляд, не может интерпретироваться только как простое совпадение ценностей отдельных членов сообщества. Чтобы стать базой для мышления и поведения для больших групп людей, он должен быть воплощен в виде своего рода модели или паттерна, представляющего собой устойчивую конфигурацию ценностных ориентаций, контролирующую поведение субъектов и описывающих его в параметрах единого семантического ряда. Паттерны складываются из ценностей, при этом решающее значение для детерминации группового поведения людей имеет не отдельная ценность, но интерпретация паттерна в целом. Так, например, справедливость как один из ценностных паттернов может

включать в себя различные компоненты (равенство возможностей, равноправие, приоритет интересов меньшинства, ненасилие и др.), на которые акцентируют внимание представители тех или иных социальных групп, находя для них основания в многообразии реальной жизни. Но в конечном итоге для их диспозиции решающее значение имеет признание ее наличия или отсутствия в социуме. В сущности, паттерны представляют собой проекцию ценностей на всю систему отношений, сложившихся в конкретном обществе, и именно они выступают в качестве ценностных оснований консолидации.

При этом надо учитывать иерархию паттернов в обществе и их взаимодействие [15, с. 39], вследствие которых ценностные основания консолидации приобретают вариативный, часто размытый характер, а также разнообразие ее форм, представленных в общественном сознании и в ряде случаев, воплощенных в социальных практиках. Ситуация усложняется еще и тем, что эти формы зачастую взаимосвязаны и «перетекают» друг в друга.

1. *Стихийная консолидация*, отражающая естественную потребность людей в коллективообразовании, отмеченную рядом исследователей. Так, согласно исследованиям Р. Бойда и П. Ричерсона, человеческие сообщества, которым были присущи практики культурного конформизма и сотрудничества, обладали наибольшими шансами в конкурентной борьбе [16]. В свою очередь М. Ридли заключает: «Мы – групповой вид, но не вид, подлежащий групповому отбору. Мы созданы не для того, чтобы жертвовать собой ради клана, а для того, чтобы использовать его в своих интересах» [17, с. 178].

2. *Кризисная консолидация*. В определенной степени ее можно рассматривать в качестве специфического варианта стихийной, поскольку данный сценарий также предполагает объединение граждан, но осуществляемое под влиянием

внешнего триггера, в качестве которого выступает источник опасностей и угроз. Эти угрозы связаны либо с резким ухудшением состояния окружающей среды, эпидемиями и пандемиями, военными действиями.

3. *Административная консолидация*. Она предполагает принудительное объединение горожан с использованием ресурсов государственной и муниципальной власти. Характерными чертами данного сценария являются: нормативное регулирование процесса; управление процессом консолидации посредством государственных и муниципальных структур; институционализация процесса в форме создания так называемых ГОН-ГО-организаций, т. е. государством организованных негосударственных организаций, имитирующих институты гражданского общества; формализация и бюрократизация деятельности. Фактически этот вариант частично был реализован при разработке и осуществлении Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011 – 2025 годы» в Белгородской области.

4. *Имитационная консолидация*. Для этой формы типична симуляция консолидационного процесса, выражающаяся в декларациях о приверженности консолидационным ценностям, демонстрации намерений объединяться, и декорация интеграции опять-таки путем создания «псевдогражданских» структур. Данный вариант консолидационного процесса рассчитан на приобретение лидерами и группами дополнительного политического капитала за счет спекуляции на действительно привлекательной идее солидарности. В силу данного обстоятельства он логически связан с предыдущим и, как показал белгородский опыт, дополняет его. В частности, в процессе реализации Стратегии существовали периоды (например, с 2016 по 2018 гг.), когда для осуществления практически ничего не предпринималось, но риторика присутствовала в публичном дискурсе, писались

отчеты о продвижении по «консолидационному» маршруту.

5. *Утопическая консолидация*, представляющая собой мечту об обществе социального единства, братства справедливости. Примером вполне может служить идея А. Проханова об обществе «русской мечты» [18] – привлекательная, но вряд ли осуществимая в современных условиях.

6. *Партнерская (управляемая) консолидация*. Реализуется как совместный проект государственных структур и институтов гражданского общества, где инициатива последних является приоритетной, а управление сводится к созданию условий для их реализации. Именно ее мы отстаивали (хотя и в целом неуспешно) в ходе работы над Стратегией «Формирование регионального солидарного общества на 2011 – 2025 годы», понимая этот документ как масштабный социально-инженерный проект. Мы полагаем, что именно партнерская консолидация может открывать новые возможности для сообществ различного уровня в нестабильной социальной реальности. Довольно очевидно, что различные формы консолидации предполагают и разные ценностные основания, которые и должны быть идентифицированы.

Однако социальная консолидация дифференцирована не только в отношении форм, но и направленности. В научной литературе и (в еще большей степени в публицистике) «по умолчанию» в понятие «консолидация» часто вкладывается однозначно позитивное содержание. Но сообщества могут консолидироваться и на негативной основе. Он предполагает, что консолидация – процесс, адекватный человеческой природе, позволяющий удовлетворить фундаментальные потребности людей посредством совместного участия в решении общих проблем:

– принцип реализма, суть которого заключается в представлении о том, что пределы и возможности консолидации в решающей степени определяются сложившимися в обществе обстоятельства-

ми. В частности, бессмысленно рассчитывать на то, что в высоко дифференцированном российском обществе, к тому же характеризующемся тотальной социальной аномией¹, может быть установлен полный ценностный консенсус. Очевидно, речь должна идти о согласии в отношении лишь некоторых ценностей, отражающих наличие ограниченного круга общих интересов, а консолидация есть способ достижения взаимопонимания относительно их содержания;

– принцип функциональности определения, которое должно ориентировать на решение практических задач, не усложняя проблему, но редуцируя ее до операционализуемых понятий, доступных для восприятия максимально возможного числа потенциальных участников;

– принцип акцента на самоорганизации; в соответствии с ним подлинная солидарность и консолидация могут быть лишь основанием свободного выбора;

– принцип развития, согласно которому консолидация представляет собой процесс, характеризующийся внутренней динамикой, подлежащий регуляции и саморегуляции.

С учетом этих принципов **социальная консолидация** определяется как соответствующий естественной природе человека, осуществляющийся стихийно, либо целенаправленно организуемый и регулируемый (в том числе и саморегулируемый) процесс укрепления межличностных и межгрупповых коммуникаций, достижения взаимопонимания в отношении решения общих проблем на основе диалога и сотрудничества и взаимной ответственности.

Данное определение опирается на коммуникативную концепцию солидарности Ю. Хабермаса [20] и, как нам представляется, позволяет выстроить и эмпирически верифицировать динамическую

¹ Согласно С. А. Кравченко, аномия из исключения стала в российском социуме нормой [19, с. 8].

систему приоритетных ценностных оснований консолидации путем логической инверсии, начиная с конечного паттерна и заканчивая исходным. В основу исследования были положены две гипотезы.

Первая состояла в предположении о том, что на процесс консолидации городского сообщества в значительной степени влияют сформированные паттерны идентичности, справедливости, доверия и ответственности. Выбор их был произвольным и учитывал, что в научной литературе именно идентичность, справедливость и доверие чаще всего соотносятся с концепцией солидарности [21; 22]. Несколько сложнее обстоит дело с ответственностью, которую в предельно общем плане можно рассматривать как готовность и способность граждан выполнить предписанные социальной ролью или добровольно принятые на себя обязательства.

Значение ответственности граждан для их консолидации обычно недооценивается специалистами. Скажем, А. С. Кап-то лишь упоминает о коллективной ответственности за общую жизнь на нашей планете [12, с. 263]. Некоторые авторы рассматривают ее применительно к позиции государства [23, с. 161] или бизнеса [24, с. 16] в консолидационном процессе. В ходе нашего исследования ее в качестве основания консолидации назвали лишь 26% экспертов. Их мнение, казалось бы, отражает реальную ситуацию в социуме. Характеризуя ее, О. Е. Пазина пишет, что «современное общество характеризуется узким восприятием понятия «ответственность» как фактора, ограничивающего поведения индивида, а не как образующего компонента его деятельности во всех сферах взаимодействия внутри социума»¹.

Тем не менее акцент внимания именно на ответственности был сделан с

учетом двух обстоятельств. Во-первых, понимания, что любая интеграция будет успешной лишь в случае взаимной лояльности субъектов. А лояльность, в трактовке Т. Парсонса, представляет собой готовность откликнуться на должным образом «обоснованный» призыв, сделанный от лица коллектива или во имя общественного интереса или потребности [25, с. 96], что весьма близко к понятию ответственности. Во-вторых, опыт показал, что во многих случаях непоследовательная реализация Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 годы» была связана именно с дефицитом ответственности ее участников. Примечательно, что фактор низкой ответственности В. В. Узунов относит на основе своих исследований к числу основных факторов, препятствующих консолидации [26, с. 66].

С учетом этих обстоятельств мы не только включили ответственность в состав оснований консолидации, но допустили, что именно она «запускает» консолидационный процесс [27].

Вторая гипотеза сводилась к тому, что рассматриваемые ценностные паттерны находятся в состоянии взаимной зависимости, и чем она прочнее, тем выше эффект их влияния на перспективы консолидации. При этом укрепление связей между паттернами может привести к формированию «метапаттерна консолидации», который способен создать для нее прочную ценностную основу.

Первая гипотеза в ходе исследования нашла свое подтверждение. Паттерн городской идентичности, несомненно, присутствует в общественном сознании горожан, хотя и проигрывает другому идентификационному паттерну. В относительном большинстве случаев горожане идентифицируют себя с Россией в целом (44,9%), с городским сообществом – только 29,6%, с регионом 11%. При этом между паттерном «городской идентичности» и «консолидационной интенцией» была установлена довольно

¹ Пазина О. Е. Социальная ответственность личности в современном обществе: дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2007. 165 с.

прочная прямая зависимость¹. Среди респондентов, которые идентифицировали себя с городским сообществом, выявлена сравнительно высокая установка на социальную консолидацию – 43,5% из их числа однозначно признали ее необходимость (коэффициент корреляции $r = 0,753$ – высокий, что характеризует сильную связь)². 28,7% выбрали вариант «скорее да, чем нет» ($r = 0,384$ – слабая связь), в то время как среди идентифицирующих себя с Россией в целом эти показатели составили 33,9% и 32,6% соответственно ($r = 0,571$ и $r = 0,449$ – средняя и слабая связь соответственно). Показательно и то, что однозначно отрицательно необходимость консолидации оценили только 4,2% респондентов, идентифицирующих себя с городским сообществом.

Не менее сильное влияние на отношение к идее консолидации оказывает паттерн социальной справедливости, наличие которой в городе однозначно констатировали 24,6%, и 31,2% признали, что справедливость проявляется чаще, чем несправедливость³. При этом была

¹ Исследование «Консолидационный потенциал Белгородской области», осуществленное научно-исследовательской лабораторией развития гражданского общества Белгородского государственного национального исследовательского университета, фактически подтвердило наши данные на примере одного субъекта РФ. В ходе его идентифицировали себя с региональным сообществом 28,8% респондентов.

² Величина коэффициента корреляции отражает силы связи. При оценке силы связи коэффициентов корреляции используется шкала Чеддока: от 0 до 0,3 (очень слабая), от 0,3 до 0,5 (слабая), от 0,5 до 0,7 (средняя), от 0,7 до 0,9 (высокая), от 0,9 до 1 (очень высокая).

³ Безусловно, показатели являются довольно низкими, но они отражают реальную ситуацию, характеризующую осуществление принципа социальной справедливости. Показательно, что в ходе исследования «Консолидационный потенциал Белгородской области», осуществленного научно-исследовательской лабораторией развития гражданско-

выявлена высокая значимость данного паттерна для установки на консолидацию. 77,5% респондентов, считающих жизнь в городском сообществе справедливой (коэффициент корреляции фиксирует высокую силу связи: $r = 0,784$), сделали заключение о необходимости консолидации российского общества (вариант ответа «да» и «скорее да, чем нет»); среди тех, кто заявлял об ощущении несправедливости, таких оказалось 68,9% ($r = 0,395$ – слабая связь).

Паттерн доверия является сложно-структурированным, что определяется вектором его направленности. Результаты исследования показали: горожане, как правило, склонны доверять своему ближайшему окружению: родственникам (84,4%), друзьям и знакомым (65,5%), руководителю (51,6%) и коллегам (50%)⁴. Правда, группам, располагающимся в пределах дальнего радиуса взаимодействия, значительная доля респондентов (как правило, треть) готова доверять лишь в зависимости от ситуации. Почти четверть участников опроса обычно не доверяют группам в социальных сетях (23%), жителям своего города в целом (18,8%), своим соседям (17,5%).

Среди тех, кто в той или иной мере доверяет родственникам, необходимость консолидации в полной мере или в основном признают 71,7% ($r = 0,768$ – вы-

го общества Белгородского государственного национального исследовательского университета, о том, что в их муниципальных образованиях жизнь устроена справедливо, однозначно заявили 28,2% респондентов; с оговоркой – 21,3%.

⁴ Исследование «Консолидационный потенциал Белгородской области» выявило еще более высокие показатели уровня доверия семейно-родственному окружению и друзьям (согласно ему, родственникам доверяют 92,5% белгородцев; друзьям – 88,9%). Рост показателя мы связываем с тем, что в состав респондентов вошли и сельские жители, для которых всегда была типична ориентация на ближайшее окружение.

сокая связь), в то время как отрицают (в различной степени) 52,4% ($r = 0,419$ – слабая связь); в отношении доверия друзьям и знакомым – 73,3% ($r = 0,706$ – высокая связь) и 61,3% ($r = 0,399$ – слабая связь) соответственно; соседям – 77,1% ($r = 0,816$ – высокая связь) и 60,6% ($r = 0,218$ – очень слабая связь) соответственно; в отношении доверия горожанам – 75,6% ($r = 0,711$ – высокая связь) и 62,6% ($r = 0,297$ – очень слабая связь); коллегам – 74,6% ($r = 0,674$) и 59,5% ($r = 0,403$ – слабая связь); руководителю – 73,5% ($r = 0,581$) и 62,7% ($r = 0,278$ – очень слабая связь); органам местной власти – 75,7% ($r = 0,655$ – средняя связь) и 59,5% ($r = 0,357$ – слабая связь); общественным организациям – 74,7% ($r = 0,551$ – средняя связь) и 62,5% ($r = 0,327$ – слабая связь); группам в социальных сетях – 76,2% ($r = 0,479$ – слабая связь) и 63,9% ($r = 0,267$ – очень слабая связь).

Паттерн ответственности у горожан выражен довольно слабо и носит индивидуально-ориентированный характер: 64,8% респондентов согласны с тем, что «человек несет ответственность только за себя и свои действия», и лишь 21,7% опрошенных высказались против. 57% участников исследования ощущают ее в отношении происходящего в их городе. Противоположной точки зрения придерживались 21,8%, а каждый пятый затруднился ответить на вопрос. Этот паттерн является наиболее проблематичным среди всех ценностных оснований консолидации.

Осуществленная в ходе проверки второй гипотезы попытка выявить связь между ответственностью (как паттерном, непосредственно «запускающим» консолидационный процесс) и доверием позволила установить: высокий уровень доверия к различным контрагентам городского пространства существенно влияет на ощущение ответственности за происходящее в городе только в случае, когда речь идет о доверии родственникам. Так, среди доверяющих им 60,1% респонден-

тов ощущают ответственность за происходящее в городе ($r = 0,864$ – высокая сила связи), тогда как среди респондентов, не доверяющих им, таких только 36,9% ($r = 0,571$ – средняя связь); друзьям и знакомым – 63,8% ($r = 0,675$ – средняя связь) и 41,3% ($r = 0,479$ – слабая связь) соответственно; соседям – 67,9% ($r = 0,547$ – средняя связь) и 41% ($r = 0,387$ – слабая связь); жителям города – 67,9% ($r = 0,491$ – слабая связь) и 43,4% ($r = 0,399$ – слабая связь); коллегам – 65,2% ($r = 0,569$ – средняя связь) и 49,7% ($r = 0,424$ – слабая связь); руководителю – 64,1% ($r = 0,604$ – средняя связь) и 46,4% ($r = 0,481$ – слабая связь); органам местной власти – 68,9% ($r = 0,526$ – средняя связь) и 44,2% ($r = 0,317$ – слабая связь); группам в социальных сетях – 68,1% ($r = 0,288$ – очень слабая связь) и 48,1% ($r = 0,264$ – очень слабая связь).

Полученные результаты дают основание для утверждения: установка на ответственность детерминирована у горожан уровнем межличностного доверия только в том случае, когда речь идет об отношениях на уровне соседско-родственного окружения. Однако это уже весьма существенно, поскольку высокий уровень доверия выявлен именно в пределах близкого радиуса взаимоотношений.

Исследование выявило высокий уровень зависимости паттерна доверия от паттерна справедливости: 91,4% респондентов, считающих организацию городской жизни справедливой, доверяют родственникам ($r = 0,912$ – очень высокая сила связи); 75,9% – друзьям и знакомым ($r = 0,729$ – высокая связь); 57,6% – соседям ($r = 0,638$ – средняя связь); 46,9% – горожанам в целом ($r = 0,406$ – слабая связь); 62,7% – коллегам ($r = 0,471$ – слабая связь); 65,1% – руководителю ($r = 0,532$ – средняя связь); 64,1% – органам местной власти ($r = 0,628$ – средняя связь); 49,6% – общественным организациям ($r = 0,475$ – слабая связь); 42,1% – группам в социальных сетях ($r = 0,367$ – слабая связь).

Среди тех, считают организацию жизни несправедливой, показатели доверия составляют соответственно: 77,7% – родственникам ($r = 0,346$ – слабая связь); 55,4% – друзьям и знакомым ($r = 0,431$ – слабая связь); 45,9% – соседям ($r = 0,268$ – очень слабая связь); 41,2% – горожанам ($r = 0,194$ – очень слабая связь); 43,2% – коллегам ($r = 0,361$ – слабая связь); 43,9% – руководителю ($r = 0,419$ – слабая связь); 45,3% – органам местной власти ($r = 0,357$ – слабая связь); 43,9% – общественным организациям ($r = 0,164$ – очень слабая связь); 43,2% – группам в социальных сетях ($r = 0,456$ – слабая связь).

Следовательно, паттерн справедливости не только сам по себе является для горожан довольно сильным триггером консолидационного процесса, через влияние на паттерн социального доверия он способен оказать воздействие на формирование «метпаттерна консолидации».

Паттерн справедливости взаимосвязан с паттерном городской идентичности. Так сильная связь установлена между показателями идентификации респондентов с городским сообществом и признанием справедливости организации жизни в муниципальном образовании, чаще приходится сталкиваться со справедливостью, чем с несправедливостью ($r = 0,811$ – сильная связь). При этом респонденты, идентифицирующие себя с городским сообществом, реже сетуют на несправедливость (слабая связь $r = 0,331$).

Выводы

Исключительная важность проблемы социальной консолидации, решение которой в значительной мере определяет перспективы воспроизводства и безопасности городских сообществ, придает ее обсуждению во многих случаях не научный, а политико-идеологический характер. В результате требования истины подменяются требованиями политической конъюнктуры, и анализ ее приобретает спекулятивный характер. В полной мере это относится к определению цен-

ностных оснований консолидации, нередко осуществляемому произвольно, без учета всей сложности проблемы.

Проведенное исследование позволяет, на наш взгляд, уточнить некоторые ее аспекты как теоретического, так и эмпирического характера.

Разумеется, выводы, полученные в ходе диагностики ситуации в городах трех приграничных регионов, специфика которых сегодня очевидна, не должны абсолютизироваться. К тому же ситуация даже в них самих меняется весьма динамично. Однако предложенное концептуальное решение, основанное на использовании понятия «паттерны», позволяет, по мнению авторов, внести в научную дискуссию элемент системности, понятийной определенности и эмпирической фундированности.

Конкретизация результатов исследования может быть выражена в следующих тезисах:

- консолидация как одна из форм социальной конъюнкции представляет собой ценностно детерминированный процесс;

- многообразие теоретических и эмпирических моделей консолидации предполагают дифференциацию ее ценностных оснований;

- в качестве таких оснований выступают ценностные паттерны, каждый из которых может интерпретироваться как комплекс устойчивых, семантически единых представлений, сложившихся на основе специфической конфигурации ценностей;

- применительно к городским сообществам можно констатировать особое значение для перспектив консолидации паттернов идентичности, справедливости, доверия и ответственности;

- анализ эмпирических данных, полученных в ходе диагностики городской среды, позволяет утверждать, что все они способны оказать существенное влияние на консолидацию, но за некоторым исключением паттерна доверия (в той ча-

сти, в какой оно характеризует отношения на микроуровне), все они недостаточно сформированы;

– рассмотренные паттерны потенциально связаны между собой; при этом наиболее значительным интегратором выступает паттерн справедливости;

– задача инициации и регулирования процесса консолидации в урбанизированной среде в рассматриваемом кон-

тексте предстает как задача утверждения в общественном сознании установок на локальную идентификацию горожан; повышения уровня доверия в пределах дальней социальной дистанции; формирования идеологемы ответственности за организацию городской жизни, но главное – последовательной реализации принципа социальной справедливости.

Список литературы

1. Вавилина Н. Д. Солидаризация как социальное явление и социальный процесс: региональный контекст // Регион: Экономика и Социология. 2019. № 3 (103). С. 164–194. <https://doi.org/10.15372/REG20190307>.

2. Социальная консолидация в обществе потребления: социальные ресурсы и механизмы управления в условиях российских реалий / Е. М. Харитонов, В. С. Пусько, А. В. Верещагина, В. И. Курбатов, А. В. Попов // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8, № 4. С. 221–233. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.4.23>.

3. Левашов В. К. От Москвы до самых до окраин: резервы консолидации // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 166–170. <https://doi.org/10.31857/S013216250002799-1>.

4. Чигрин В. А., Узунов В. В. Особенности социальной консолидации региональных сообществ Юга России // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11, № 1. С. 150–159.

5. Вольтер В. О. Национальная идеология как фактор консолидации российского общества в условиях формирования нового миропорядка // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2021. № 3. С. 67–72.

6. Черкашин М. Д. Доверие населения к органам власти как фактор социальной консолидации общества // Коммуникология: электронный научный журнал. 2019. Т. 4, № 3. С. 74–83.

7. Тихонова Н. Е. Средний класс как гарант стабильности и основа для консолидации российского общества // Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение / под ред. М. К. Горшкова. М.: Новый хронограф, 2010. С. 38–61.

8. Локосов В. В. Социально-экономические факторы консолидации российского общества: региональный аспект // Экономика региона. 2014. № 3. С. 74–82.

9. Бродовская Е. В. Контексты социального недовольства и деконсолидации в социальных медиа региональных кластеров РФ // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2022. Т. 47, № 4. С. 863–868. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-4-863-868>.

10. Селезнев П. С., Сургуладзе В. Ш. Цифровые вызовы социально-политической консолидации и коллективной идентичности общества // Век глобализации. 2021. № 4(40). С. 131–144. <https://doi.org/10.30884/vglob/2021.04.09>.

11. Кузнецов В. Н. О социологическом смысле идеологии консолидации: геокультурный аспект // Безопасность Евразии. 2003. № 3. С. 37.

12. Капто А. С. Объединяющие ценности социальной консолидации // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 3. С. 256–265.

13. Трофимова И. Н. «Мегаполис» и «глубинка» как модели ценностных ориентаций и политических установок россиян // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 3(07). С. 60–78.

14. Павлова О. А. Социальная консолидация как условие и ресурс развития местного самоуправления. Региональные практики социальной консолидации: опыт и перспективы. Белгород: Белгородская областная типография, 2019. С. 4–18.

15. Мелвилл Д. Х. Социальный паттерн: методологическое исследование // Личность. Культура. Общество. 2011. Т. 13, вып. 1 (61–62). С. 34–47.

16. Boyd R. Culture and Cooperation. Chicago: Chicago University Press, 1990. P. 111–132.
17. Ридли М. Происхождение альтруизма и добродетели: от инстинктов к сотрудничеству. М.: Эксмо, 2014. С. 216.
18. Проханов А.А. В поисках русской мечты. М.: Книжный мир, 2019. С. 494.
19. Кравченко С. А. Нормальная аномия: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 10.
20. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. С. 158.
21. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) / А. Д. Харичев, А. Ю. Шутов, А. В. Полосин, Е. Н. Соколова // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6, № 3. С. 9-19. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19>.
22. Рогачев С. В., Ильичева М. В., Иванов А. В. Социальное доверие и процесс консолидации общества: новые возможности и риски // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 129–140. <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2022-1-129-140>.
23. Коньков А. Е. Актуальные механизмы гражданской солидарности в условиях вызовов цифровизации // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. № 16-1. С. 159–163.
24. Аносов С. М. Эффективность консолидации: социальная политика государства // Социология. 2021. № 2. С. 5–20.
25. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс. 1998. 270 с.
26. Узунов В. В. Факторы социальной консолидации в региональных сообществах на Юге России // Caucasian Science Bridge. 2021. № 2. С. 56–70.
27. Коллективное «мы» или индивидуальное «я»: какую социализацию выбираем? / А. П. Абрамов, А. В. Ермаков, А. С. Чернов, Лю Цзэ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 1. С. 176–186.

References

1. Vavilina N. D. Solidarizatsiya kak sotsial'noe yavlenie i sotsial'nyi protsess: regional'nyi kontekst [Solidarization as a social phenomenon and social process: regional context]. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya = Region: Economics and Sociology*, 2019, no. 3 (103), pp. 164–194. <https://doi.org/10.15372/REG20190307>
2. Kharitonov E. M., Pusko V. S., Vereshchagina A. V., Kurbatov V. I., Popov A. V. Sotsial'naya konsolidatsiya v obshchestve potrebleniya: sotsial'nye resursy i mekhanizmy upravleniya v usloviyakh rossiiskikh realii [Social consolidation in the consumer society: social resources and management mechanisms in the conditions of Russian realities]. *Gumanitarii Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*, 2019, vol. 8, no. 4, pp. 221–233. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.4.23>
3. Levashov V. K. Ot Moskvyy do samykh do okrain: rezervy konsolidatsii [From Moscow to the outskirts: reserves of consolidation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*, 2018, no. 11, pp. 166–170. <https://doi.org/10.31857/S013216250002799-1>
4. Chigrin V. A., Uzunov V. V. Osobennosti sotsial'noi konsolidatsii regional'nykh soobshchestv Yuga Rossii [Features of social consolidation of regional communities of the South of Russia]. *Gumanitarii Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*, 2022, vol. 11, no. 1, pp. 150–159.
5. Voltaire V. O. Natsional'naya ideologiya kak faktor konsolidatsii rossiiskogo obshchestva v usloviyakh formirovaniya novogo miroponyadka [National ideology as a factor of consolidation of Russian society in the conditions of formation of a new world order]. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Armavir State Pedagogical University*, 2021, no. 3, pp. 67–72.
6. Cherkashin M. D. Doverie naseleniya k organam vlasti kak faktor sotsial'noi konsolidatsii obshchestva [Public confidence in authorities as a factor of social consolidation of society]. *Kommunikologiya: elektronnyi nauchnyi zhurnal = Communicology: Electronic Scientific Journal*, 2019, vol. 4, no. 3, pp. 74–83.
7. Tikhonova N. E. Srednii klass kak garant stabil'nosti i osnova dlya konsolidatsii rossiiskogo obshchestva [The middle class as a guarantor of stability and the basis for the consolidation of Russian society]

ety]. *Sotsial'nye faktory konsolidatsii rossiiskogo obshchestva: sotsiologicheskoe izmerenie* [Social factors of consolidation of Russian society: a sociological dimension]; ed. by M. K. Gorshkova. Moscow, Novy Chronograph Publ., 2010, pp. 38–61.

8. Lokosov V. V. *Sotsial'no-ekonomicheskie faktory konsolidatsii rossiiskogo obshchestva: regional'nyi aspekt* [Socio-economic factors of consolidation of Russian society: regional aspect]. *Ekonomika regiona = The Economy of the Region*, 2014, no. 3, pp. 74–82.

9. Brodovskaya E. V. Konteksty sotsial'nogo nedovol'stva i dekonsolidatsii v sotsial'nykh media regional'nykh klasterov RF [Contexts of social discontent and deconsolidation in social media of regional clusters of the Russian Federation]. *Nomothetika: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo = Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right*, 2022, vol. 47, no. 4, pp. 863–868. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-4-863-868>

10. Seleznev P. S., Surguladze V. S. Tsifrovye vyzovy sotsial'no-politicheskoi konsolidatsii i kollektivnoi identichnosti obshchestva [Digital challenges of socio-political consolidation and collective identity of society]. *Vek globalizatsii = The Age of Globalization*, 2021, no. 4(40), pp. 131–144. <https://doi.org/10.30884/vglob/2021.04.09>

11. Kuznetsov V. N. O sotsiologicheskome smysle ideologii konsolidatsii: geokul'turnyi aspekt [On the sociological meaning of the ideology of consolidation: geocultural aspect]. *Bezopasnost' Evrazii = Security of Eurasia*, 2003, no. 3, p. 37.

12. Kapto A. S. Ob "edinyayushchie tsennosti sotsial'noi konsolidatsii [Unifying values of social consolidation]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Socio-Humanitarian Knowledge*, 2015, no. 3, pp. 256–265.

13. Trofimova I. N. "Megapolis" i "glubinka" kak modeli tsennostnykh orientatsii i politicheskikh ustanovok rossiyan ["Megapolis" and "hinterland" as models of value orientations and political attitudes of Russians]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika = Sociological Science and Social Practice*, 2014, no. 3(07), pp. 60–78.

14. Pavlova O. A. Sotsial'naya konsolidatsiya kak uslovie i resurs razvitiya mestnogo samoupravleniya. Regional'nye praktiki sotsial'noi konsolidatsii: opyt i perspektivy [Social consolidation as a condition and resource for the development of local self-government. Regional practices of social consolidation: experience and prospects]. Belgorod, Belgorodskaya oblastnaya tipografiya Publ., 2019. pp. 4–18.

15. Melville D. H. Sotsial'nyi pattern: metodologicheskoe issledovanie [Social pattern: methodological research]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo = Personality. Culture. Society*, 2011, vol. 13, is. 1 (61–62), pp. 34–47.

16. Boyd R. *Culture and Cooperation*. Chicago, Chicago University Press Publ., 1990, pp. 111–132.

17. Ridley M. Proiskhozhdenie al'truizma i dobrodeteli: ot instinktov k sotrudnichestvu [The Origin of altruism and virtue: from instincts to cooperation]. Moscow, Eksmo Publ., 2014, p. 216.

18. Prokhanov A. A. V poiskakh russkoi mechty [In search of the Russian dream]. Moscow, Book World Publ., 2019. p. 494.

19. Kravchenko S. A. Normal'naya anomiya: kontury kontseptsii [Normal anomie: contours of the concept]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*, 2014, no. 8, p. 10.

20. Habermas Yu. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie [Moral consciousness and communicative action]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, p. 158.

21. Kharichev A. D., Shutov A. Yu., Polosin A. V., Sokolova E. N. Vospriyatie bazovykh tsennostei, faktorov i struktur sotsial'no-istoricheskogo razvitiya Rossii (po materialam issledovaniya i aprobatsii) [Perception of basic values, factors and structures of socio-historical development of Russia (based on research and approbation)]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy = Journal of Political Studies*, 2022, vol. 6, no. 3, pp. 9–19. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19>

22. Rogachev S. V., Ilyicheva M. V., Ivanov A. V. Sotsial'noe doverie i protsess konsolidatsii obshchestva: novye vozmozhnosti i riski [Social trust and the process of consolidation of society: new opportunities and risks]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya Tula State University. Humanities*, 2022, no. 1, pp. 129–140. <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2022-1-129-140>

23. Konkov A. E. Aktual'nye mekhanizmy grazhdanskoj solidarnosti v usloviyakh vyzovov tsifrovizatsii [Actual mechanisms of civil solidarity in the context of digitalization challenges]. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya = Russia: Trends and Prospects of Development*, 2021, no. 16-1, pp. 159–163.

24. Anosov S. M. Effektivnost' konsolidatsii: sotsial'naya politika gosudarstva [Efficiency of consolidation: social policy of the state]. *Sotsiologiya = Sociology*, 2021, no. 2, pp. 5–20.

25. Parsons T. Sistema sovremennykh obshchestv [The system of modern societies]. Moscow, Aspect Press Publ., 1998. 270 p.

26. Uzunov V. V. Faktory sotsial'noi konsolidatsii v regional'nykh soobshchestvakh na Yuge Rossii [Factors of social consolidation in regional communities in the South of Russia]. *Caucasian Science Bridge = Caucasian Science Bridge*, 2021, no. 2, pp. 56–70.

27. Abramov A. P., Ermakov A. V., Chernov A. S., Tse Liu. Kollektivnoe "my" ili individual'noe "ya": kakuyu sotsializatsiyu vybiraem? [Collective "we" or individual "I": which socialization do we choose?]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2021, vol. 11, no. 1, pp. 176–186.

Информация об авторах / Information about the Authors

Бабинцев Валентин Павлович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Valentin P. Babintsev, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Серкина Яна Игоревна, доктор социологических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: serkina_ya@bsu.edu.ru

Yana I. Serkina, Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor of the Department of Management and Marketing, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: serkina_ya@bsu.edu.ru

Ушамирский Алексей Эдуардович, доктор социологических наук, доцент, декан юридического факультета, Волжский институт экономики, педагогики и права, г. Волжский, Российская Федерация,
e-mail: aushamirskiy1973@mail.ru

Alexey E. Ushamirsky, Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, Dean of the Faculty of Law, Volga Institute of Economics, Pedagogy and Law, Volzhsky, Russian Federation,
e-mail: aushamirskiy1973@mail.ru

Великих Павел Константинович, аналитик научно-исследовательской лаборатории развития гражданского общества, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: velikikh@bsu.edu.ru

Pavel K. Velikikh, Analyst of the Research Laboratory for the Development of Civil Society, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: velikikh@bsu.edu.ru